

Научная статья / Research Article

УДК 902.3

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(1\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(1).-05)

EDN: SLYVJY

КОМПЛЕКТЫ ДЛЯ ШИТЬЯ В ОКУНЕВСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ

Юрий Иннокентьевич Михайлов

ООО Научно-производственное объединение «АрхеоПолис», Кемерово, Россия,
kerbalyk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4016-4563>

Резюме. Комплекты для шитья в окуневских погребальных комплексах составляли игольницы, иглы, кожаные ремешки, шерстяные нити, а также функционально связанные с ними подвески из зубов животных, бисер и бусы. На всех этапах бытования окуневской культуры игольницы и иглы сопровождали захоронения всех возрастных групп независимо от пола погребенного. В целом игольницы с иглами являлись характерным атрибутом женских захоронений. Металлические игольницы, снаряженные двумя иглами, отразили обрядовую норму черновского этапа. Аналогичные комплекты в детских погребениях связаны с демонстрацией предписанного статуса для девочек. Комплектация, материал и размеры игольников удостоверяли индивидуальный статус владельцев. В повседневном обиходе комплекты для шитья снабжались кожаным ремешком, по которому свободно перемещался трубчатый игольник, открывая доступ к иглам. Зубы животных на конце ремешка фиксировали положение игольника и символизировали индивидуальный статус владельца.

Ключевые слова: бисер, игла, игольник, комплект, окуневская культура

Для цитирования: Михайлов Ю. И. Комплекты для шитья в окуневских погребальных комплексах // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №1. С. 78–89. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(1\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(1).-05)

SEWING KITS IN THE OKUNEVO BURIAL COMPLEXES

Yuriy I. Mikhailov

Research and Production Association ArcheoPolis, Kemerovo, Russia,
kerbaluk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4016-4563>

Abstract. Sewing kits in the Okunevo burial complexes consisted of needle holders, needles, leather straps, woolen threads, as well as functionally related pendants made of animal teeth, beads and beads. At all stages of the existence of the Okunevo culture, needle holders and needles accompanied burials of all age groups, regardless of the sex of the buried. In general, needle holders with needles were a characteristic attribute of women's burials. Metal needles equipped with two needles reflected the ritual norm of the Chernovskij stage. Similar kits in children's burials are associated with the demonstration of prescribed status for girls. The equipment, material and dimensions of the needle holders certified the individual status of the owners. In everyday life, sewing kits were equipped with a leather strap, on which the tubular needle moved freely, opening access to the needles. The teeth of the animals at the end of the strap fixed the position of the needle holder and symbolized the individual status of the owner.

Keywords: beads, needle, needle holder, sewing kit, Okunevo culture

For citation: Mikhailov Yu.I. Sewing Kits in the Okunevo Burial Complexes. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(1):78–89. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(1\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(1).-05)

Введение

Трубочатые игольники и иглы с ушком широко представлены в составе окуневских погребальных комплексов. Однако, несмотря на многолетний опыт исследований, пока отсутствуют работы, посвященные всестороннему изучению комплектов для шитья, которые составляли игольники, иглы, кожаные ремешки, шерстяные нити, а также функционально связанные с ними подвески из зубов животных, бисер и бусы. Содержание предлагаемого исследования определено задачами статистического учета и сравнительного анализа археологических комплексов. Конечная цель работы — историко-культурная интерпретация окуневских комплектов для шитья.

Половозрастные характеристики комплектов для шитья

По результатам исследования могильника Черновая-VIII было установлено, что игольники, как и шилья, являлись атрибутами захоронений женщин и девочек (Максименков, 1980, с. 23). Необходимо отметить, что это императивное заключение в некоторых случаях противоречило антропологическим определениям В. П. Алексева и Г. Ф. Дебеца. Изучение комплексов могильника Уйбат — Чарков в контексте других фактических свидетельств позволило расширить перечень категорий погребального инвентаря с половозрастными характеристиками. Авторы исследований предложили квалифицировать игольники, височные кольца и каменные скребки как сопроводительный инвентарь женских погребений, а бронзовые кинжалы, украшения из клыков медведя и мраморные шары с отверстиями считать атрибутами мужских захоронений (Лазаретов, Поляков, 2018, с. 55). В итоговом исследовании окуневских древностей вновь отмечено, что в подавляющем большинстве случаев игольники обнаружены в погребениях женщин и являются гендерным индикатором (Поляков, 2022, с. 108).

В интересах объективной оценки существующих наблюдений приведен перечень комплексов, в которых медные и костяные игольники обнаружены в погребениях мужчин (табл. 1).

В дополнение к приведенной выборке отметим, что в двух случаях мужчин сопровождали сумочка, расшитая зубами животных (Уйбат-III, кург. 1, мог. 1), и футляр, расшитый каменным бисером (Уйбат-V кург. 4, мог. 15). Кроме того, в пяти захоронениях обнаружены медные и бронзовые ножи, которые в трех случаях дополняли шилья. Эти инструменты могли использоваться для различных работ, но в том числе для ремонта обуви и одежды.

Представленная выборка, возможно, свидетельствует о том, что с мужчинами 20–40 лет игольники были снабжены иглами, в то время как мужчин от 40 до 60 лет сопровождали пустые футляры. Мужчины, снабженные пустыми игольниками, вероятно, составляли последнюю возрастную когорту окуневских сообществ. В связи с этим обратим внимание на захоронения младенцев с комплектами для шитья (табл. 2).

Таблица 1

Игольники и иглы в мужских захоронениях (Грязнов, Комарова, 2006; Комарова, 1981; Лазаретов, 1997; Максименков, 1980)

Таб. 1

Needle holders and needles in men's burials (Gryaznov, Komarova, 2006; Komarova, 1981; Lazaretov, 1997; Maksimenkov, 1980)

Погребальный комплекс	Возраст погребенного	Сопроводительный инвентарь
Красный Яр-II могила 4	25–30 лет	Игольник (кость), игла
Черновая-VIII кург. 8 мог. 5	20–25 лет	Игольник (кость), 2 иглы
Уйбат-V кург. 4 мог. 15	35–45 лет	Игольник (медь), 2 иглы
Уйбат-III кург. 1 мог. 1	30–35 лет	Игольник (медь)
Черновая-VIII кург. 9 мог. 1	55–65 лет	Игольник (кость)
Сыда-V кург. 1 мог. 3	40–60 лет	Игольник (медь)
Карасук-VIII ограда 1 мог. 3	40–60 лет	Игольник (кость)

Таблица 2

Игольники и иглы в детских захоронениях (Ковалев, 1997; Лазаретов, 1997; Максименков, 1980)

Таб. 2

Needle holders and needles in children's burials (Kovalev, 1997; Lazaretov, 1997; Maksimenkov, 1980)

Погребальный комплекс	Возраст погребенного	Сопроводительный инвентарь
Уйбат-V кург. 1 мог. 7	0,5 года	Игольник (кость), игла
Уйбат-V кург. 1 мог. 9	0,5 года	Игольник (кость), игла
Черновая-VIII кург. 3 мог. 9	Младенец	Игольник (бронза), игла
Черновая-VIII кург. 1 мог. 7	Младенец	Игольник (бронза), 2 иглы
Верхний Аскиз-1 кург. 2, мог. 11	Младенец	Игольник (бронза), 2 иглы

Судя по выборке, в захоронениях уйбатского этапа были помещены костяные игольники, а в более поздних погребениях обнаружены бронзовые экземпляры. Не являясь групповой нормой, в приведенных случаях комплекты с двумя иглами могли символизировать предписанный статус для девочек. Во всяком случае, это вероятно для захоронений черновского этапа. Не случайно в этих комплексах обнаружены височные кольца (Черновая-VIII кург. 2, мог. 11) и костяные пластинки с изображениями женских лиц (Верхний Аскиз-I кург. 2, мог. 11).

Для более полной характеристики групповых и индивидуальных норм ниже приведена выборка женских захоронений с игольниками и иглами (табл. 3).

Таблица 3

Игольники и иглы в женских захоронениях (Гультов, Подольский, Цыганков, 2006; Киргиников, 2010; Ковалев, 1997; Комарова, 1947; Кызласов, 1962; Лазаретов, Поляков, 2018; Левашева, 1975; Леонтьев, 1995; Липский, Вадецкая, 2006; Липский, Вадецкая, 2006а; Максименков, 1980; Поляков, Есин, 2017; Хаврин, 1997)

Tab. 3

Needle holders and needles in women's burials (Gultov, Podolsky, Tsygankov, 2006; Kirginekov, 2010; Kovalev, 1997; Komarova, 1947; Kyzlasov, 1962; Lazaretov & Polyakov, 2018; Levasheva, 1975; Leontiev, 1995; Lipsky & Vadetskaya, 2006; Lipsky & Vadetskaya 2006a; Maksimenkov, 1980; Polyakov & Esin, 2017; Khavrin, 1997)

Погребальный комплекс	Возраст погребенного	Сопроводительный инвентарь
Абакан гробница-4	Взрослый	Игольник (кость), игла
Красный Яр-II кург. 2	Взрослый	Игольник (кость), игла
Тас Хазаа мог. 1	Взрослый	Игольник (медь), игла
Тас Хазаа мог. 2 погр. 4	Взрослый	Игольник (медь), игла
Тепсей-VIII ограда 2	16 лет	Игольник (кость) игла
Сыда-V кург. 3 мог. 5	Взрослый	Игольник (кость), игла
Бельтыры ограда 6	25–30 лет	Игольник (кость), игла
Уйбат-I курган мог. 6	Взрослый	Игольник (кость), игла
Верхний Аскиз-I кург. 1 мог. 6	25–30 лет	Игольник (бронза), 2 иглы
Верхний Аскиз I кург. 2 мог. 5 погр. 2	16–17 лет	Игольник (бронза), 2 иглы
Верхний Аскиз I кург. 2 мог. 34	30–40 лет	Игольник (бронза), фрагменты игл
Черновая-VIII кург. 1 мог. 6	20–22 или 18–20 лет	Игольник (бронза), 2 иглы
Черновая-VIII кург. 8 мог. 21 погр. 2	Взрослый	Игольник (бронза), 2 иглы
Тас Хазаа ограда мог. 4	Взрослый	Игольник (медь), 2 иглы
«94-й километр» курган мог. 4	Взрослый	Игольник (медь), 2 иглы
Окунев улус гробница 8	Взрослый	Игольник (медь), 2 иглы
Уйбат Хулган кург. 2	Взрослый	Игольник (кость), 2 иглы
Итколь-II кург. 12 мог. 3	35–45 лет	Игольник (кость), 2 иглы
Итколь-II кург. 1 мог. 4	30–40 лет	Игольник (кость)
Черновая-VIII кург. 2 мог. 1	30–40	Игольник (кость)
Большое Кольцо мог. 4M	Старше 50 лет	Игольник (кость)
Уйбат — Чарков кург. 1 мог. 4	Старше 55 лет	Игольник (кость)

Табличные данные свидетельствуют о том, что в целом игольники с иглами являлись характерным атрибутом женских захоронений на всех этапах развития культурной традиции. В свою очередь, металлические игольники с двумя иглами стали устойчивой нормой черновского этапа. Пустые игольники в захоронениях женщин старшей возрастной группы демонстрируют совпадение с данными по мужским захоронениям.

Таким образом, на всех этапах бытования окуневской культуры игольники сопровождали захоронения всех возрастных групп независимо от пола погребенного. Костяные и медные игольники с иглами соответствуют групповой ритуальной норме для женщин в возрасте от 16 до 45 лет и мужчин от 20 до 40 лет. Медные и бронзовые игольники с двумя иглами становятся репрезентативными атрибутами черновского этапа. Поскольку в захоронениях мужчин и женщин в возрасте более 40 лет обнаружены пустые игольники, есть основания предполагать, что ритуальное разграничение мужских и женских группирований совпадает с возрастом 40–45 лет.

Не исключено, что возрастные рамки женской группы, которую сопровождали игольники с иглами, могли быть связаны с деторождением. В могильнике Итколь-II (кург. 12, мог. 3) погребенная женщина 35–45 лет умерла при родах или на последней стадии беременности (Поляков и др., 2018, с. 128). С учетом этого приведем независимые наблюдения. Предполагается, что брачный возраст у афанасьевцев начинался с 13–14 лет, поэтому молодые люди в возрасте 15–16 лет могут быть признаны женщинами. Предельный возраст деторождения определен в 40 лет, поскольку в одном из погребений женщина 40–60 лет «умерла, не разродившись» (Вадецкая, Поляков А. В., Степанова, 2014, с. 154). С известной осторожностью можно допустить совпадение репродуктивных ограничений у афанасьевских и окуневских популяций. В этом контексте необходимо объяснить наличие игольников с иглами в захоронениях мужчин от 20 до 45 лет, поэтому обратим внимание на этнографические свидетельства. У народов Сибири игольники обычно входили в состав женских принадлежностей для шитья, но иногда ими пользовались и мужчины, надолго уходя из дому, особенно в сезон охоты (Иванов, 1970, с. 207).

Функциональные характеристики игл и игольников

Хорошая сохранность костяных игл позволяет предположительно установить их специализацию по видам работ с учетом общей длины изделия, формы стержня и кончика, а также диаметра отверстия ушка. Среди крупных костяных игл особо отметим экземпляр из могильника Черновая-VIII с овальным сечением стержня и притупленным кончиком (Максименков, 1980, табл. XVIII.-16). Возможно, она использовалась для сшивания шерстяных изделий, поскольку кончик подобной формы раздвигал волокна ткани, не повреждая ее. В парных комплектах из этого могильника обнаружены прямые и изогнутые иглы (Максименков, 1980, табл. XVIII.-13, 14). Изогнутые иглы обычно используются в тех случаях, когда доступ к изделию возможен только с одной стороны. В окуневском кургане «94-й километр» вместе с граненым шилом и маленькой иглой (диаметр отверстия — 1 мм) обнаружена крупная игла (диаметр отверстия — 1,5 мм) предназначенная для более толстой и прочной нити (Гультов, Подольский, Цыганков, 2006, с. 123, рис. 11.-2, 3). Эту иглу предположительно можно определить как шорную. Шорные иглы как специальный инструмент отличает граненый кончик, ко-

торый не прокалывает, а разрезает кожу. У данного изделия кончик был зашлифован, поэтому игла могла использоваться совместно с граненым бронзовым шилом, которое применялось для перфорации кожи. Предположительно сходными функциональными характеристиками были наделены костяные иглы из могильника Верхний Аскиз I (Хаврин, 1997, табл. V.-2, 3; Ковалев, 1997, табл. XI.-13, 16, 19).

Обилие каменного бисера в окуневских погребениях предполагает использование бисерных игл. Эти инструменты отличает одинаковое сечение стержня по всей длине, включая ушко. Указанные особенности соответствуют коротким прямым иглам (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, табл. XVIII.-11, 13–17). Однако в большинстве случаев бисер и бусы из окуневских погребений имеют весьма малые сквозные отверстия. Поэтому вопрос об использовании специальных игл для бисера следует оставить открытым. Так, например, в захоронении из могильника Уйбат-I (мог. 6) обнаружена бронзовая игла с шерстяной нитью. Ее диаметр (0,2 см) вдвое превышает диаметр отверстий (0,1 см) у каменных бус из этого погребения (Наглер, Парцингер, 2006, с. 105). В связи с этим можно допустить, что для наборных украшений использовалось плетение. Нити бисера обеспечивали подсохший кончик нити, обработанный смолой или клеем.

По наблюдениям М.П. Грязнова, окуневская одежда и мягкая утварь расшивалась рядами квадратных и треугольных фигур (Вадецкая, 2012, с. 211). Данная особенность могла быть связана с техникой бисероплетения, для которой геометрический орнамент наиболее удобен в исполнении. Находки разноцветных кружков стеатита в могильнике Черновая-VIII (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, с. 24) допускают мозаичное плетение бисерной тесьмы. Готовую тесьму могли пришивать к нагрудникам, рукавам и подолу одежды, головным уборам или обуви. Технология плетения плоской тесьмы с использованием шерстяных нитей и бус с последующим пришиванием к тканой основе головного убора реконструирована по материалам катакомбного погребения могильника Шахаевский-1 (Орфинская, Шишлина, Голиков, 2003, с. 261–267).

Материалы исследования окуневского могильника Тас Хазаа позволили предположить, что игольники пришивались к нагрудникам. Поэтому специально отметим комплектацию наиболее крупного игольника (длина — 18,5 см; диаметр — 6,5–8,5 мм), который был снаряжен двумя иглами, воткнутыми в кусочек кожи, и завернут в полоску спирально охватывающей его кожи (Липский, Вадецкая, 2006, с. 20). Из этнографии нганасан известно, что женщины с левого бока мехового комбинезона подвешивали на ремнях медные трубочки, в которых хранились иголки. Эти трубочки оттягивались по ремню вверх, и на свободную часть ремня втыкались иголки, после чего трубочка надвигалась к концу ремня. Во избежание ее соскальзывания к ремню привязывалась медная бляха (Попов, 1948, с. 114).

Скорее всего, окуневские игольники использовали сходным образом. Поэтому не случайно внутри этих изделий обнаружены остатки кожаных ремешков с воткнутыми в них иголками. Ремешок, спирально обернутый вокруг игольника из Тас Хазаа, в повседневном обиходе служил для его подвешивания. Чтобы игольник не соскальзывал, к нижнему концу ремешка крепились зубы животных и бусы. В одном случае (мог. 2, погр. 4) справа от игольника размещались 20 резцов сурка, а в другом (мог. 4) рядом с игольником обнаружены резцы сурка и клыки собаки (Липский, Вадецкая, 2006, с. 17,

20). Медный игольник, обернутый кожей и с кожаным ремешком внутри, был найден в окуневском комплексе могильника Есино-IV. Зубы животных компактно располагались в нескольких сантиметрах от игольника и были ориентированы к нему отверстиями. В связи с этим автор указал на возможность трактовки игольника («трубочки») и зубов животных как одного предмета (Паульс, 1997, с. 124, рис. 2). В могильнике Сыда-V с игольником найдены аргиллитовые бусинки, «как бы нашитые на какую-то тесьму (в которую был продет игольник?) поперечными рядами по 7 бусинок в ряду» (Грязнов, Комарова, 2006, с. 56). В могильнике Уйбат-V трубчатый игольник с иглой сопровождала компактная кучка зубов сурка (Лазаретов, 1997, с. 24). Зубы животных, в частности сурка, входившие в снаряжение игольника, фиксировали его положение на ремешке. Комбинации из зубов животных и бисера могли содержать информацию о групповом или индивидуальном статусе владельцев.

Культурно-историческая интерпретация комплектов для шитья

В окуневской культурной традиции игольник, вероятно, символизировал божественное покровительство и оберегал человека с колыбели, как это было зафиксировано в погребении могильника Уйбат-V (Лазаретов, 1997, с. 24). Кроме того, игольник мог выступать как первый и последний знак принадлежности к социуму. Вероятно, сходной символикой наделялись иглы, обнаруженные без игольников. Комплекты для шитья как инструменты конструирования одежды могли символизировать нормативный культурный облик. Немногочисленные металлические иглы из окуневских захоронений, возможно, удостоверяли особый статус владельцев, подобно иглам из неординарных комплексов восточноманьчской культуры. В этом контексте особо отметим, что в окуневских и катакомбных погребениях вместе с иглами обнаружены шерстяные нити (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, с. 223; Наглер, Парцингер, 2006, с. 105; Андреева, 2014, с. 451).

Это соответствие представляется существенным для темы настоящего исследования. Ранние образцы шерстяного текстиля на территории Южного Кавказа датированы 2550 г. до н.э. Даты по шерстяному текстилю в Калмыкии и Нижнем Подонье демонстрируют интервал 2400–2000 гг. до н.э. (Шишлина и др., 2020, с. 679). Сложение окуневской культуры по данным радиоуглеродного анализа отнесено к концу XXVI в. до н.э. (Поляков, 2022, с. 190).

Инновационная технология шерстяного текстиля не имеет сибирских корней и не установлена для афанасьевской культурной практики. Напротив, в окуневских погребениях обнаружены иглы с шерстяными нитями, причем одна из них найдена в окуневском захоронении, которое было введено в афанасьевский курган могильника Тесь-I (Вадецкая и др., 2014, с. 223). Впускные захоронения в афанасьевских погребальных сооружениях исследователи относят к уйбатскому этапу окуневской культуры. В том числе погребение с бронзовым литым наконечником копья из могильника Моисеиха (Лазаретов, 2019, с. 36; Поляков, 2022, с. 153). Сочетание столь развитых технологий в середине III тыс. до н.э. на Среднем Енисее нуждается в объяснении. Насечки на пере копья из Моисеихи (Зимица, 1966, с. 162; Вадецкая, 1981, с. 18, рис. 2.-8) отдаленно роднят его с наконечником копья из Сейминского могильника (Бадер, 1970, рис. 21). Влияние сейминско-турбинской традиции на окуневское металлопроизводство прослеживается

ся с черновского этапа (Поляков, 2022, с. 164). Здесь же отметим, что быстрое распространение производства шерстяного волокна в Северной Евразии начинается в конце III тыс. до н.э. (Шишлина и др., 2020, с. 678). Возможно, культурное содержание черновского этапа связано с освоением передовых технологий, поэтому хронологический статус некоторых впускных погребений нуждается в уточнении.

Заключение

Совокупный анализ фактических свидетельств позволяет предполагать, что комплекты для шитья в окуневских погребальных комплексах отражали групповые нормы и обладали универсальной культурной символикой. Комплектация, а также материал и размеры игольников, вероятно, удостоверяли индивидуальный статус владельцев. Вместе с тем различия в составе комплектов демонстрируют изменение ритуальных норм на разных этапах развития культуры. В числе факторов, обусловивших эти изменения, укажем внешние воздействия, которые культура испытала на протяжении своего длительного бытования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Андреева М.В. Восточноманьчжурская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М. : ТАУС, 2014, 272 с.

Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М. : Наука, 1970. 176 с.

Вадецкая Э.Б. Предметы вооружения из могил окуневской культуры // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 13–20.

Вадецкая Э.Б. Культ диких животных в похоронной практике и мировоззрении племен окуневской культуры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. : ИИМК, 2012. Кн. 2. С. 208–220.

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л. : Наука, 1980. 174 с.

Вадецкая Э.Б., Поляков А. В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул : Азбука, 2014. 380 с.

Грязнов М.П., Комарова М.Н. Сыда V — могильник окуневской культуры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. С. 53–58.

Гультов С.Б., Подольский М.Л., Цыганков И.Н. Окуневский курган «94-й километр» // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. С. 120–124.

Зимица В. М. Афанасьевское погребение из Тубы (Минусинская котловина) // Сибирский археологический сборник. Новосибирск: Наука, 1966. С. 160–163.

Иванов С.В. Старинные трубчатые игольники народов Сибири // Одежда народов Сибири. Л. : Наука, 1970. С. 196–207.

Киргиников Э.Н. Итоги исследования кургана Большое Кольцо // Афанасьевский сборник. Барнаул : Азбука, 2010. С. 79–91.

Ковалев А.А. Могильник Верхний Аскиз 1, курган 1 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 80–112.

Комарова М.Н. Погребения Окунева Улуса // СА. 1947. №9. С. 47–60.

Комарова М.Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск : Наука, 1981. С. 76–90.

Кызласов Л.Р. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь // СА. 1962. №2. С. 112–123.

Лазаретов И.П. Окуневские памятники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.

Лазаретов И.П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // Теория и практика археологических исследований. 2019. Т. 28, №4. С. 15–50.

Лазаретов И.П., Поляков А.В. Исследование могильника Уйбат — Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2018. Т. 23, №3. С. 41–69.

Левашева В.П. Раскопки могильника окуневской культуры в Абакане в 1945 г. // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1975. С. 99–104.

Леонтьев Н.В. Два окуневских кургана долины реки Уйбат // Проблемы изучения окуневской культуры. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1995. С. 26–29.

Липский А.Н. Вадецкая Э.Б. Могильник Тас Хазаа // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. С. 9–52.

Липский А.Н., Вадецкая Э.Б. Афанасьевские и окуневские погребения в могильнике Бельтыры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006а. С. 73–82.

Максименков Г.А. Черновая-VIII — эталонный памятник окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л. : Наука, 1980. С. 3–26.

Наглер А., Парцингер Г. Новые памятники окуневской культуры в центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. С. 104–119.

Орфинская О.В., Шишлина Н.И., Голиков Н.П. Головной убор из катакомбного погребения могильника Шахаевский-1 на реке Маныч // Вопросы археологии Поволжья. 2003. №3. С. 261–267.

Паульс Е.Д. Два окуневских кургана на юге Хакасии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 123–127.

Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб. : ИИМК РАН, 2022. 364 с.

Поляков А.В., Есин Ю.Н. Курильница с антропоморфными изображениями из раннеокуневского погребения могильника Итколь-II // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. 1. С. 339–343.

Поляков А.В., Лазаретов И.П., Есин Ю.Н. Исследования Саянской экспедиции ИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Итколь в 2016–2017 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. : ИИМК РАН; Периферия, 2018. №8. С. 123–139.

Попов А.А. Нганасаны. Вып. 1. Материальная культура. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 124 с.

Хаврин С.В. Могильник Верхний Аскиз I, курган 1 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С. 65–79.

Шишлина Н.И., Орфинская О.В., Хоммель П., Зазовская Э.П., Анкушева П.С., ван дер Плихт Й. Шерстяные ткани бронзового века Северной Евразии: новые радиоуглеродные данные // Российские нанотехнологии. 2020. Т. 15, №5. С. 671–680.

REFERENCES

Andreeva M.V. East Manych Catacomb Culture: Analysis of Burial Sites. Moscow : TAUS, 2014. 272 p. (*In Russ.*)

Bader O.N. Oka Basin in the Bronze Age. Moscow : Nauka, 1970. 176 p. (*In Russ.*)

Vadetskaya E.B. Armament Items from the Graves of the Okunevo Culture. In: Military Affairs of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 13–20. (*In Russ.*)

Vadetskaya E.B. Cult of Wild Animals in Funeral Practice and World Outlook of the Okunevo Culture Tribes. In: Cultures of the Steppe Eurasia and Their Interaction with Ancient Civilizations. St. Petersburg : IIMK, 2012. Book 2. Pp. 208–220. (*In Russ.*)

Vadetskaya E.B., Leontiev N.V., Maksimenkov G.A. The Sites of the Okunevo Culture. Leningrad : Nauka, 1980. 174 p. (*In Russ.*)

Vadetskaya E.B., Polyakov A.V., Stepanova N.F. Collection of the Afanasyevo Culture Sites. Barnaul : Azbuka, 2014. 380 p. (*In Russ.*)

Gryaznov M.P., Komarova M.N. Syda V — Burial Ground of the Okunevo Culture. In: Okunevo Collection 2. Culture and Its Environment. St. Petersburg : Izd-vo SPbGU, 2006. Pp. 53–58. (*In Russ.*)

Gultov S.B., Podolsky M.L., Tsygankov I.N. Okunevo Kurgan “94th Kilometer”. In: Okunevo Collection 2. Culture and Its Environment. St. Petersburg : Izd-vo SPbGU, 2006. Pp. 120–124. (*In Russ.*)

Zimina V.M. Afanasyevo Burial from Tuba. In: Siberian Archaeological Collection. Novosibirsk: Nauka, 1966. Pp. 160–163. (*In Russ.*)

Ivanov S.V. Old Tubular Needle Needles of the Peoples of Siberia. In: Clothes of the Peoples of Siberia. Leningrad : Nauka, 1970. Pp. 196–207. (*In Russ.*)

Kirginekov E.N. Results of the Study of the Big Ring Mound. In: Afanasyevsky Sbornik. Barnaul : Azbuka, 2010. Pp. 79–91. (*In Russ.*)

Kovalev A.A. Burial Ground Verkhnij Askiz 1, kurgan 1. In: Okunevo Collection. The Culture. Art. Anthropology. St. Petersburg : Petro-RIF, 1997. Pp. 80–112. (*In Russ.*)

Komarova M.N. Burials of Okunev Ulus. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1947;9:47–60. (*In Russ.*)

Komarova M.N. A Peculiar Group of Eneolithic Sites on the Yenisei. In: Problems of West Siberian Archaeology. Age of Stone and Bronze. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 76–90. (*In Russ.*)

Kyzlasov L.R. Afanasyevo Kurgans on the Uybat and Byur Rivers. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1962;2:112–123. (*In Russ.*)

Lazaretov I.P. Okunevo Burial Ground in the Uybat River Valley. In: Okunevo Collection. The Culture. Art. Anthropology. St. Petersburg : Petro-RIF 1997. Pp. 19–64. (*In Russ.*)

Lazaretov I.P. Chronology and Periodization of the Okunevo Culture: Current State and Prospects. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2019;28(4):15–50. (*In Russ.*)

Lazaretov I.P., Polyakov A.V. Studies of the Uybat — Charkov Burial Ground and New Data on the Early Stage of Development of the Okunevo Culture. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2018;23(3):41–69. (*In Russ.*)

Levasheva V.P. Excavations of the Burial Ground of the Okunevo Culture in Abakan in 1945. In: Archaeology of North and Central Asia. Novosibirsk : Nauka, 1975. Pp. 99–104. (*In Russ.*)

Leontiev N.V. Two Okunevo Burial Mounds in the Valley of the Uybat River. In: Problems of Studying the Okunevo Culture. St. Petersburg : Izd-vo SPbGU, 1995. Pp. 26–29. (*In Russ.*)

Lipskiy A.N., Vadetskaya E.B. Cemetery Tas Khazaa. In: Okunevo Collection 2. Culture and Its Environment. St. Petersburg : Izd-vo SPbGU, 2006. Pp. 9–52. (*In Russ.*)

Lipskiy A.N., Vadetskaya E.B. Afanasyevo and Okunevo Burials in the Beltyry Burial Ground. In: Okunevo Collection 2. Culture and Its Environment. St. Petersburg : Izd-vo SPbGU, 2006a. Pp. 73–82. (*In Russ.*)

Maksimenkov G.A. Burial Ground of Chernovaya-VIII — Reference Site of the Okunevo Culture. In: Vadetskaya E.B., Leont'ev N.V., Maksimenkov G.A. The Sites of the Okunevo Culture. Leningrad : Nauka, 1980. Pp. 3–26. (*In Russ.*)

Nagler A., Parcinger G. New Sites of the Okunevo Culture in the Central Part of the Minusinsk Depression. In: Okunevo Collection 2. Culture and Its Environment. St. Petersburg : Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 2006. Pp. 104–119. (*In Russ.*)

Orfinskaya O.V., Shishlina N.I., Golikov N.P. Headgear from the Catacomb Burial of the Shakhavsky-1 Burial Ground on the Manych River. *Voprosy arheologii Povolzh'ya = Issues of Archaeology of the Volga River Region*. 2003;3:261–267. (*In Russ.*)

Pauls E.D. Two Okunevo Mounds in the South of Khakassia. In: Okunevo Collection. Culture. Art. Anthropology. St. Petersburg : Petro-RIF, 1997. Pp. 123–127 (*In Russ.*)

Polyakov A.V. Chronology and Cultural Genesis of the Paleometal Epoch Monuments of the Minusinsk Basins. St. Petersburg : IIMK RAN, 2022. 364 p. (*In Russ.*)

Polyakov A.V., Esin Yu.N. Incense Burner with Anthropomorphic Images from the Early Okunevo Burial of the Itkol-II Burial Ground. In: Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul — Belokurikha. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Vol. 1. Pp. 339–343 (*In Russ.*)

Polyakov A.V., Lazaretov I.P., Esin Yu.N. Studies of the Sayan Expedition of the IHMC RAS of Early Bronze Age Sites on Itkol Lake in 2016–2017. In: Bulletin of IHMC RAS. St. Petersburg : IIMK RAN; Periferiya, 2018. No 8. Pp. 123–139. (*In Russ.*)

Popov A.A. Nganasany. Vyp. 1. Material Culture. Moscow; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1948. 124 p. (*In Russ.*)

Khavrin S.V. Burial Ground Verkhniy Askiz I, Kurgan 1. In.: Okunevo Collection. Culture. Art. Anthropology. St. Petersburg : Petro-RIF, 1997. Pp. 65–79 (*In Russ.*)

Shishlina N.I., Orfinskaya O.V., Hommel P., Zazovskaya E.P., Ankusheva P.S., van der Plicht J. Woolen Fabrics of the Bronze Age of Northern Eurasia: New Radiocarbon Data. *Rossijskie Nanotechnologii = Russian Nanotechnologies*. 2020;15(5):671–680 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Михайлов Юрий Иннокентьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории культуры ООО Научно-производственное объединение «АрхеоПолис», Кемерово, Россия.

Yuriy I. Mikhailov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture Research and Production Association ArcheoPolis, Kemerovo, Russia.

Статья поступила в редакцию 11.12.2023;

одобрена после рецензирования 11.03.2024;

принята к публикации 15.03.2024.

The article was submitted 11.12.2023;

approved after reviewing 11.03.2024;

accepted for publication 15.03.2024.